

УДК 811.161.1'374.3(091)
ББК Ш141.12-03

ГРНТИ 16.21.65

Код ВАК 10.02.01

Е. Н. Басовская
Москва, Россия

E. N. Basovskaya
Moscow, Russia

**ОБ АГНОСТИЦИЗМЕ, СТАХАНОВЦЕ
И СУЯГНОЙ ОВЦЕ**

(из истории создания

«Словаря русского языка» С. И. Ожегова)

Аннотация. Публикация документа из Архива РАН — рецензии 1946 г. на рукопись будущего «Словаря русского языка» С. И. Ожегова. В предваряющей публикации статье рассматриваются приемы идеологизации толкового словаря; анализируется влияние советской языковой политики на современную российскую лексикографию. Предложения рецензента словаря разделяются на три группы: 1) предложения конъюнктурного характера по замене нейтральных толкований философских и религиозных терминов идеологически выверенными, пропагандистскими; 2) предложения по исключению из словаря «излишних» в речи грамматических форм; 3) предложения по устранению фактологических и стилистических неточностей.

Ключевые слова: история лексикографии; толковый словарь русского языка; С. И. Ожегов; советская языковая политика.

Сведения об авторе: Басовская Евгения Наумовна, доктор филологических наук, зав. кафедрой медиаречи.

Место работы: Российский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 125993, г. Москва, ГСП-3, Миусская пл., д. 6.
e-mail: jeni_ba@mail.ru.

**ON AGNOSTICISM, STAKHANOVITE
AND EWE IN YEAN**

(from the history of compilation of “The Dictionary of the Russian Language” by S. I. Ozhegov)

Abstract. It is the publication of the document from the Archive of the Russian Academy of Sciences – the 1946 review of the manuscript of “The Dictionary of the Russian Language” by S.I. Ozhegov. The introductory article highlights the techniques of ideologicalization of a dictionary. It also deals with the influence of the Soviet policy in the sphere of language on modern Russian lexicography. The reviewer’s remarks are subdivided into three sections: 1) those connected with the current situation about replacing neutral explanations of philosophical and religious terms by ideologically correct and propagating ones; 2) those concerning the exclusion of “superfluous” grammatical forms; and 3) those aimed at elimination of factual and stylistic inaccuracies.

Key words: history of lexicography; the dictionary of the Russian language; S. I. Ozhegov; soviet language policy.

About the author: Basovskaya Evgenia Naumovna, Doctor of Philology, Head of Department of Media Speech.

Place of employment: Russian State University for the Humanities.

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова, остающийся по сей день самым популярным среди русских лингвистических справочников, родился как продолжение лексикографического труда составителей первого советского толкового словаря — четырехтомника под редакцией Д. Н. Ушакова.

Редакция «Малого толкового словаря русского языка» была создана летом 1940 г. под руководством Д. Н. Ушакова. Его заместителем стал С. И. Ожегов — один из активнейших составителей четырехтомного толкового словаря. Сдать рукопись одностомника предполагалось летом 1942 г. Планы нарушила война. Весной 1942 г. не стало Д. Н. Ушакова.

Работа продолжилась под руководством академика С. Н. Обнорского — автора книги «Словарь русского языка. Инструкция для редакторов» (1936). Фактически же составлением «Малого толкового словаря» занимался преимущественно С. И. Ожегов.

В 1946 г. рукопись была представлена в Издательство Академии Наук СССР. Публикуемая ниже рецензия написана старшим научным редактором А. И. Корчагиным. Экземпляр хранится в фонде С. И. Ожегова в Архиве РАН — машинопись на 29 листах с рукописными исправлениями и пометами [Корчагин 1946]. По справедливому замечанию О. В. Никитина, «это самая „невинная“ из рецензий на еще не изданный „Словарь“ С. И. Ожегова» [Никитин 2000: 60].

Действительно, претензии идеологического характера заполняют меньшую часть текста, в котором преобладают конкретные, порой весьма точные и справедливые замечания.

Предложения А. И. Корчагина можно разделить на **три группы**.

Первую составляют претензии явно конъюнктурного характера, призванные продемонстрировать политическую бдительность научного редактора. Таковы в первую очередь указания, касающиеся терминов — философских (*агностицизм, материализм, объективизм, субъективизм*) и религиозных (*Богородица, нирвана, пророк, святки*). Важнейшим недостатком их толкований А. И. Корчагин считает «излишнюю нейтральность» стиля, предлагая, по сути, придать словарю не академический, а пропагандистский характер. В данном отношении показательны ссылки рецензента на В. И. Ленина и Большую советскую энциклопедию. Это, с одной стороны, выполнение советского ритуала — обязательное цитирование классиков марксизма-ленинизма и других политически выверенных источников; с другой — проявление убежденности в том, что толковый словарь, по крайней мере в части толкования подобных терминов, не должен отличаться от справочников энциклопедического характера.

Интересно, что и некоторые слова, не относящиеся к идеологической сфере, толкуются, по мнению рецензента, излишне объективно, безоценочно (показательны в этом смысле предло-

жения отметить в словаре незаконность и аморальность таких явлений, как *взятка* и *плагиат*).

Ко **второй группе** относятся замечания, на первый взгляд лишённые идеологического подтекста. Анализируя включённые в словник лексемы *жеребый*, *стельный*, *супоросный*, *суягный*, А. И. Корчагин характеризует их как бессмысленные. По его мнению, принимая решение дать эти слова, как и другие прилагательные, в мужском роде, «автор шел от формы — пусть даже грамматической, которая пуста», пренебрегая при этом содержанием понятия.

Казалось бы, прилагательные, характеризующие то или иное животное по признаку беременности, действительно должны функционировать исключительно в форме женского рода. Необходимо подчеркнуть, что претензии А. И. Корчагина почти дословно совпали с теми, что были предъявлены составителям «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова в 1935 г., после выхода первого тома, авторами «Литературной газеты» К. Казимирским и М. Аптекарем. В разгромной рецензии под названием «Игруны» говорилось, что в словаре «на основании равных прав женщины» даны неверные формы «беременный» и «женатая» [Казимирский, Аптекарь 1935: 4]. Д. Н. Ушаков не согласился с этим замечанием и в одном из ближайших номеров «Литературной газеты» ответил своим оппонентам с исключительным лингвистическим изяществом. По его словам, все приведенные в словаре грамматические формы подкреплены примерами из живой русской речи, такими, например, как «женатая жизнь» и «старое общество беременно новым» [Ушаков 1935: 6].

«Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова был воспроизведен в 1947 г. фотоофсетным способом, никакая правка в него не вносилась. С. И. Ожегов при составлении малого словаря дал само слово «беременный» исключительно в форме женского рода, но для прилагательных, характеризующих беременность животных, сохранил ушаковские принципы: они были включены в рукопись в форме мужского рода с комментарием: «Обычно в ж. роде». Это и вызвало сарказм рецензента: «Обычно? — подумали мы в первое мгновение, прочтя это. А не обычно — не в женском роде? А в виде хотя бы редчайшего исключения в мужском, среднем?»

Современные технологии предельно упрощают поиск ответа на этот — изначально, конечно, риторический — вопрос. В Национальном корпусе русского языка обнаруживаются, пусть и немногочисленные, случаи использования некоторых из рассматриваемых прилагательных в форме мужского рода: *Она вернулась, обложенная фляжками, как черкес патронами. Кобыла, тяжело дыша, запрокидывала морду; жеребый ее живот западал и раздувался, в глазах тряпилось лошадиное безумие* (И. Э. Бабель. Гапа Гужва (Первая глава

из книги «Великая Криница») (1930); **СТЕЛЬНЫЙ** и *молодой скот, вста[ва]я и ложась, пристатривать* (М. В. Ломоносов. Лифляндская экономия (1760)) [цит. по: Национальный корпус русского языка].

Эти факты подтверждают правильность позиции Д. Н. Ушакова, полагавшего, что словарь должен в первую очередь отражать реальное состояние языка и только после этого, преимущественно в форме стилистических помет, предписывать пользователю определенное речевое поведение. Что же касается рецензентов — от Казимирского и Аптекаря до А. И. Корчагина, то они исходили из представлений о том, что человек, вооруженный марксистским мировоззрением, имеет все основания управлять языком, «очищать» и улучшать его по своему усмотрению.

Кроме того, помещение в словари «пустых», по выражению А. И. Корчагина, грамматических форм, несомненно, было, с точки зрения рецензентов, проявлением чуждого советскому мировоззрению формализма. Слово «формализм» уже превратилось к середине 1940-х гг. в обвинительное идеологическое клише. Так, уже в 1933 г. «Литературная газета» призывала... усилить борьбу с формализмом, а через три года в опубликованной газетой «Правда» известной статье «Сумбур вместо музыки» музыка Д. Д. Шостаковича именовалась «мелкобуржуазными формалистическими потугами» [Сумбур вместо музыки 1936: 3].

К тому времени, когда рукопись словаря попала на рецензию к А. И. Корчагину, ЦК партии уже принял ряд постановлений, направленных против формализма в искусстве. А когда словарь был издан, уже появилось постановление 1948 г. «Об опере „Великая дружба“ В. Мурадели», где разоблачалось «порочное, антинародное, формалистическое направление в советской музыке» [Об опере «Великая дружба» В. Мурадели 1948: 1].

В таком контексте открытое использование слова «формализм» было страшным. И намека на него оказывалось достаточно, чтобы привести подозреваемого в состояние трепета. С. И. Ожегов, не отличавшийся таким же неспигаемым характером, как Д. Н. Ушаков, и поставленный, что немаловажно, в иные условия (решался вопрос о допуске или недопуске словаря в печать), безоговорочно принял замечания рецензента и отказался от формы мужского рода при подаче слов, характеризующих беременность животных. В первом издании словаря для перечисленных прилагательных была избрана форма поддачи, идущая не от лингвистических принципов, а от так называемого «здорового смысла»: «**ЖЕРЕБАЯ**. О кобыле, ослице: беременная»; «**СТЕЛЬНАЯ**. Беременная (о коровах)»; «**СУПОРОСАЯ** и **СУПОРОСНАЯ**. Беременная (о свинье)»; «**СУЯГНАЯ**. Беременная (об овце)» [Словарь русского языка 1949: 183, 811, 825, 827].

Данные словарные статьи сохраняются и в позднейших изданиях словаря, вышедших сначала под редакцией, а затем и в соавторстве с Н. Ю. Шведовой. В форме женского рода данные прилагательные представлены также в Малом академическом, Большом академическом и некоторых других толковых словарях русского языка, например: «**Жерёбая**, кратк. форма жереба. Беременная. О кобыле, ослице, верблюдице» [Словарь современного русского литературного языка 1955: 84]. То же определение находим в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [Большой толковый словарь русского языка 2009]. Можно сказать, что солидные лингвистические справочники второй половины XX — начала XXI в. все еще несут на себе отсвет «борьбы с формализмом», которая велась советской пропагандой в 1930—1950-х гг.

Третью, большую группу замечаний составляют выявленные А. И. Корчагиным фактологические и стилистические неточности (подлинные или мнимые) в словарных статьях, посвященных как терминам негуманитарных наук, так и бытовой лексике (*макаронизм, квадрильон, букашка, влага, сандалии* и другие). К этой группе примыкают и указания на опечатки и технические ошибки. Нельзя не отдать должного редакторской добросовестности и высокой квалификации А. И. Корчагина, обнаружившего в рукописи погрешности в толкованиях слов, орфографические и орфоэпические ошибки.

С. И. Ожегов, судя по сохранившимся рукописным пометам, чрезвычайно внимательно отнесся к рекомендациям рецензента. Так, крестиками и галочками отмечены фрагменты текста, касающиеся слов *авторизовать, авторитарный, агностицизм, агрегат, администрировать, акр, амортизатор, ампутация, амулет, аристократия, ассимилировать, астролябия, бар, батог, батон, Богородица, ботинки, бракераж, браконьер, валец, верша, взвести, взвиться, вздыхать, взмошусь, вязка, влага, властолюбивый, вхолостую, газ, гайка, гайморит, галлюцинация, гамма, голова, гомеопатия, горбатый, горбинка, гуввернер, дворецкий, демиург, жердь, материализм, объективизм, плагиат, подкидной, сандалии, Святки, субъективизм, тартарары*.

Правда, некоторые исправления, сделанные С. И. Ожеговым, трудно расценить иначе как формальные. В частности, слово «букашка», которое в рукописи толковалось как «всякое маленькое насекомое», после замечаний рецензента стало определяться как «всякое маленькое, мелкое насекомое» [Словарь русского языка 1949: 48]. Вероятно, столь же иронически С. И. Ожегов отнесся и к предложению дополнить статью «стахановец» информацией о том, что данный работник достигает высокой производительности, «рационализируя производственный процесс». Правка, внесенная в

толкование существительного, свелась к повтору слова «социалистический», использованию слов «передовой» и «эпоха», т. е. к повышению стиля и усилению пафоса: вместо «работник, достигающий в социалистическом соревновании наивысшей производительности труда и превышения обычных норм выработки» говорится «передовой рабочий социалистической эпохи, достигающий в социалистическом соревновании наивысшей производительности труда и превышения обычных норм выработки» [Словарь русского языка 1949: 809].

В некоторых случаях С. И. Ожегов нашел остроумный выход из положения: он сохранил толкование слова в неизменном виде, но добавил идеологически выверенные примеры. Так, термин «перпетуум-мобиле» по-прежнему объяснялся как «вечный двигатель», а иллюстрацией к статье стала конструкция «несбыточные мечты о перпетуум-мобиле» [Словарь русского языка 1949: 536].

Ряд замечаний рецензента вообще не был учтен составителем словаря. Местоимение «свой», которое А. И. Корчагин предлагал объяснить как «принадлежащий мне, тебе, ему, нам, вам, им», сохранило прежнее толкование — «принадлежащий себе» [Словарь русского языка 1949: 745]. Не были изменены толкования слов «макаронизм», «пáрить», «самозванство», «степень», «шахматы» и некоторых других.

Особого внимания заслуживает история словарной статьи «квадрильон». По убеждению А. И. Корчагина, составители словаря ошиблись, заявив, что этот термин означает «миллион в четвертой степени». При возведении миллиона в четвертую степень получается единица с 24 нулями, что, по словам рецензента, «больше квадрильона в 1000 000 000 раз». Тем не менее С. И. Ожегов сохранил исходный вариант статьи, и она переходит из одного издания словаря в другое на протяжении многих десятилетий. Если обратиться к «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, откуда, безусловно, было взято толкование слова, там обнаруживается даже конкретное число: «цифра в виде единицы с 24 нулями» [Толковый словарь русского языка 1935: 1343].

Противоречие в словарных статьях объясняется объективным существованием двух систем наименования чисел — так называемых короткой и длинной шкал [Виленкин 1989: 20]. Составители словаря под ред. Д. Н. Ушакова ориентировались, судя по всему, на германскую академическую традицию, в соответствии с которой квадриллион понимается как единица с 24 нулями. С. И. Ожегов, вероятно, считал это правильным и потому не прислушался к замечанию А. И. Корчагина, несмотря на его категоричный тон.

Разумный компромисс был найден через несколько десятилетий при составлении «Большого толкового словаря русского языка», сообщающего, что квадриллион — «название

числа, изображаемого единицей с пятнадцатью или (в некоторых странах) с двадцатью четырьмя нулями» [Большой толковый словарь русского языка 2009].

Характеризуя в целом процесс работы составителя словаря с рецензией А. И. Корчагина, надо отметить, что замечания идеологического плана были учтены — по существу или сугубо формально, а многими указаниями, касавшимися «безопасных» сфер — точных наук, спорта, быта, С. И. Ожегов счел возможным пренебречь.

Словарь вышел в свет в 1949 г. Авторы многочисленных рецензий на первое издание, в том числе Н. Ю. Шведова, опубликовавшая отзыв в журнале «Советская книга» [Шведова 1949], оценивали труд С. И. Ожегова строже, чем А. И. Корчагин, и высказывали замечания в гораздо более резкой форме. Соответственно и переработка текста при подготовке второго издания 1952 г. оказалась едва ли не более существенной, нежели редактирование рукописи в 1940-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виленкин Н. Я. От нуля до декаллиона // Квант. 1989. № 3. С. 16—21.
2. Казимирский К., Аптекарь М. Игруны // Литературная газета. 1935. 20 окт. С. 4.

3. [Корчагин А. И.]. С. И. Ожегов и др. — Малый словарь русского языка : рец. (1946) // Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Д. 216. Л. 72—98.

4. Национальный корпус русского языка. URL: http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E6%E5%F0%E5%E1%FB%E9 (дата обращения: 24.08.2014).

5. Никитин О. В. Из истории филологической науки. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова: из истории создания и обсуждения // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2000. № 5. С. 58—65.

6. Об опере «Великая дружба» В. Мурадели // Правда. 1948. С. 1.

7. Словарь современного русского литературного языка. Т. 4. М.; Л.: Изд-во Академии Наук, 1955.

8. Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов; гл. ред. С. П. Обнорский. М.: ОГИЗ, 1949.

9. Сумбур вместо музыки. Об опере «Леди Макбет Мценского уезда» // Правда. 1936. 28 янв. С. 3.

10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1.

11. Усилить борьбу с формализмом // Литературная газета. 1933. 11 апр. С. 1.

12. Ушаков Д. Н. Вокруг «Толкового словаря» // Литературная газета. 1935. № 63. С. 6.

13. Шведова Н. Ю. [Рец. на кн.:] «Словарь русского языка». Составил С. И. Ожегов. Главный редактор С. П. Обнорский // Советская книга. 1949. № 10. С. 93—99.

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.